

УДК 930.25:24

DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-2-37-52

Деятельность А. Доржиева в 1920-е гг. в информационных документах ОГПУ

Александр В. Сипейкин

*Тверской государственный университет,
Тверь, Россия, sipeykin@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию новых источников по истории деятельности лидера движения буддийских обновленцев в России Агвана Доржиева. Доклады, сводки и другие рассекреченные документы ОГПУ позволяют изучить важные аспекты его деятельности в период 1920-х гг. В статье обращается внимание на анализ информационных документов, содержащих интересные данные о политических установках буддийских священнослужителей, характере отношений между ними и рядовыми верующими, повседневной жизни буддийских монастырей (дацанов и хурулов). Изучение рассекреченной документации позволяет обнаружить важную информацию об отношениях между советскими и партийными чиновниками и представителями буддийских общин, о конфликтах внутри буддийских организаций. Созданная ОГПУ сеть секретных агентов занималась сбором информации о столкновениях между обновленцами и амами, деятельности А. Доржиева и других лидеров российского буддизма. Эти документы содержат важные детали, касающиеся эффективности антирелигиозных диспутов и других методов антирелигиозной агитации и пропаганды. Сообщения о «контрреволюционных» высказываниях и деятельности представителей буддийского духовенства и верующих помогают выявить их отношение к советской религиозной политике. Кроме того, документы позволяют получить важные данные, касающиеся настоящего значения популярных в современной историографии концепций «религиозного нэпа» и «золотого века буддизма» в советской России.

Ключевые слова: А. Доржиев, советская антирелигиозная политика, буддийское обновленческое движение, методы антирелигиозной агитации и пропаганды, антирелигиозные диспуты, «религиозный нэп», «золотой век» буддизма в России

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2022 г.;

принята к публикации 17 февраля 2023 г.

Для цитирования: Сипейкин А.В. Деятельность А. Доржиева в 1920-е гг. в информационных документах ОГПУ // История и архивы. 2023. Т. 5. № 2. С. 37–52. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-2-37-52

The activity of Agvan Dorjiev in the 1920s as reflected in the reports of the OGPU

Alexander V. Sipeykin

Tver State University, Tver, Russia, sipeykin@yandex.ru

Abstract. The article is about the new sources pertaining to Agvan Dorjiev, the leader of the Buddhist renovationist movement in Russia. Reports, summaries and other declassified OGPU documents allow studying the important aspects of his activities in the 1920s. The paper is focused on the analysis of the documents which contain a lot of valuable information about the political stance of the Buddhist priests, the nature of the relationship between them and the ordinary believers, and the daily life of the Buddhist monasteries (dazans and huruls). The study of the declassified documents makes it possible to bring to light important data about the relations between the Soviet officials and the Buddhist Sangha, and about the clashes inside the Buddhist organizations. A network of secret agents has gathered valuable information about the conflict between the renovationists and the conservatives, about the activities of A. Dorjiev and other Buddhist leaders. Those documents contain the data referring to the disputes and other methods of antireligious agitation and propaganda. Reports on the “counter-revolutionary” statements and activities of the Buddhist clergymen and believers help revealing their attitude towards the Soviet authorities’ religion policy. Also, the documents facilitate for obtaining valuable information dealing with the real meaning of the concepts that are popular in contemporary historiography – the concepts of the “religious NEP” and the “Golden Age of Buddhism” in Soviet Russia.

Keywords: A. Dorjiev, Soviet anti-religious policy, Buddhist renovationist movement, methods of anti-religious agitation and propaganda, anti-religious disputes, religious nep, Golden Age of Buddhism in Russia

The article was submitted 01.09.2022;

accepted for publication 17.02.2023.

For citation: Sipeykin, A.V. (2023), “The activity of Agvan Dorjiev in the 1920s as reflected in the reports of the OGPU”, *History and Archives*, vol. 5, no. 2, pp. 37–52, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-2-37-52

Историография и источники по теме

В современной историографии антирелигиозной политики советской власти 1920–1930-х гг. уделяется большое внимание изучению советских и партийных документов, хранящихся в центральных [Кривова 1999; Сеницын 2013b; Шкаровский 2010] и региональных [Леонтьева 2007; Никонов 2022] архивах. В последние годы все большее внимание уделяется судебнo-следственным делам как историческому источнику [Каиль 2012; Леонтьева 2009; Нуйкина 2016]. С учетом огромного значения, которое имела деятельность органов безопасности для осуществления советской антирелигиозной политики, представляется, что материалы следственных дел следует дополнить анализом информационных документов ВЧК и ОГПУ. Современные исследователи активно приступили к решению данной задачи [Сенюткина 2020; Сенюткина, Христовых 2021], однако в основном вводятся в научный оборот документы обобщающего характера, например, информационные сводки, создававшиеся в центре на основе материалов, поступавших из регионов [Севостьянов 2021; Теренс Мартин 2021]. Задачей первоочередной важности представляется поиск и изучение документов, составлявшихся на местах, поскольку на содержащихся в них сведениях в меньшей мере сказалась фильтрация информации, связанная с идеологическими, ведомственными или служебными интересами авторов, которая проводилась в процессе передачи данных на более высокий уровень управления.

Изучение этой группы документов представляется необходимым потому, что с середины 1920-х гг. именно органы безопасности начинают играть все более важную роль в определении характера политики в отношении религиозных организаций. Создается сеть агентов, внедряемых в буддийские общины и действующих соответственно инструкциям ОГПУ. В 1930-е гг. необходимость «глубокой агентурно-чекистской разработки» буддийских дацанов становится еще очевидней. Агенты, оказавшиеся «непригодными» для работы, «отсеиваются как балласт». Некоторые «консервируются» на неопределенный срок. Дезинформаторы и «двойники» арестовываются. Набираются новые агенты.

Только в Бурятии в начале 1930-х гг. действовало 95 внедренных в среду буддийского духовенства агентов. Из них большинство (62 человека) являлись осведомителями, 23 были названы «спецосведомителями», 10 являлись «специальными агентами». Из числа внедренных агентов 18 человек занимались «обслуживанием» дацанских авторитетов, 11 – авторитетов степных лам, 46 – «общей массы дацанских лам», 20 – «общей массы степных лам». В результате проведенной работы ставится на «должную

высоту учет ламства по всем дацанам Бурятии» с «дифференциацией» его по всем интересующим работников ОГПУ моментам. По каждому монастырю были составлены персональные списки лам с указанием имени, отчества и фамилии, возраста, сана, занимаемой должности, профессии. Отдельно велся учет «ламских авторитетов», в том числе и «лам, имеющих профессии (гурумчины, абаралчины, эмчины, зурхачины) с краткой характеристикой на каждого». По каждому монастырю были «составлены меморандумы с подробным изложением особенностей истории возникновения и развития каждого дацана в отдельности, а также состояния его в настоящее время». Это положило начало «глубокому изучению всех внутренних процессов, имеющих место в каждом дацане, со всеми их специфическими чертами, что является необходимым условием дифференцированной агентурно-оперативной разработки каждого из них»¹. Столь разветвленная сеть агентов позволила работникам ОГПУ отразить процессы, протекавшие в буддийской Сангхе в 1920–1930-е гг., и дать оценку мероприятиям советской власти.

Изучение данной группы источников имеет принципиальное значение при анализе деятельности одной из ключевых фигур буддийского обновленческого движения – Агвана Доржиева, политическая ориентация которого прошла сложную эволюцию начиная с идеологического противостояния с большевиками [Цыремпилов 2012, с. 26], на место которого затем пришло активное отстаивание родства идей буддизма и социализма в середине 1920-х гг., которое, в свою очередь, в 1930-е гг. сменилось новым конфликтом с советской властью [Синицын 2013а, с. 62–76].

Агван Доржиев и «золотой век» буддизма в России

Изучая деятельность одного из ведущих деятелей обновленческого движения в российском буддизме 1920-х гг. А. Доржиева, следует учитывать, что характер взаимоотношений представителей этого направления с властью был во многом обусловлен внешнеполитической конъюнктурой. Так, в мае 1923 г. Народный комиссариат иностранных дел обращался с просьбами учесть при проведении антирелигиозной политики интересы своего ведомства, связанные с необходимостью налаживать дипломатические отношения с Тибетом, являвшимся духовным центром российских буддистов. Причем значительное влияние на выработку сравнительно терпимого отношения этого ведомства к буддистам сыграл

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 29–30.

Агван Доржиев². С учетом внешнеполитических интересов страны Наркомюст допускал некоторые уступки буддийским общинам³. В соответствии с данными из центра установками на заседании Дальбюро ЦК РКП(б) от 7 апреля 1924 г. было принято решение «воздержаться от повсеместного и полного проведения декрета об отделении церкви от государства»⁴.

Но за все уступки буддийским обновленцам следовало заплатить определенную цену. Свою лояльность они должны были доказать, выполняя целый ряд поручений «деликатного» характера. Так, отправка делегации обновленцев в Тибет предпринималась с целью провести «глубокую разведку с целью выяснения отношений Далай-ламы и руководящих кругов к Англии, Китаю и СССР, выяснить возможность завязывания нормальных взаимоотношений Тибета с СССР». Сотрудники ОГПУ рассчитывали также, что благодаря влиянию А. Доржиева из Тибета в СССР начнут приезжать студенты для обучения в военных и других учебных заведениях. Также работники органов безопасности рассчитывали «использовать видных информаторов из ламства, ноената и националистической интеллигенции для завязывания связи с находящимися во Внутренней и Внешней Монголии бывшими эмигрантами»⁵. Целым рядом условий оговаривалось разрешение созывать буддийские съезды⁶, т. е. на смягчение советской политики в отношении Сангхи повлияли внешнеполитическая конъюнктура и «ведомственные» интересы НКВД. Но главную роль в складывании «союзнических» отношений между обновленцами и советской властью сыграл тот факт, что реформаторское движение намеревались использовать в своих интересах органы безопасности. Среди основных мотивов сотрудничества с советской властью было, очевидно, желание сохранить существование религиозных общин в советской России.

Нарратив об эпохе «золотого века буддизма» отчасти опирался на факты, свидетельствующие о сравнительно благожелательном отношении власти к буддийской Сангхе. Как доказывал А. Доржиев, «если мы сравним жизнь при царском режиме и при советской власти, то станет очевидным, что нам дана необычайная религиозная свобода» [Успенский 2021, с. 52–57]. Он писал даже, что «Советский Союз стал предметом всеобщего удивления и восторга» [Бакаева 2013, с. 10]. Но мотивы такой благожелательности власти А. Доржиев и другие обновленцы либо не понимали, либо

² РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 1–7.

³ Там же. Л. 47–48.

⁴ Там же. Ф. 17. Оп. 60. Д. 777. Л. 58–59.

⁵ Там же. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 51–69.

⁶ Там же. Л. 79.

не решались озвучить свои мысли по этому поводу в публичном дискурсе.

Исследователи отмечают, что важную роль в формировании ситуации, которую описывают как «золотой век» буддизма, сыграл сам Агван Доржиев. Именно с его деятельностью связывают открытие новых молитвенных зданий и ремонт старых, увеличение числа буддийских священнослужителей. Это стало возможным благодаря проявленным А. Доржиевым незаурядным волевым и интеллектуальным качествам. Он смог переиграть местных советских и партийных деятелей в «их же игре, цитируя работы Маркса и Ленина в выгодном для себя свете» [Дамдинов 1997, с. 81]. А. Доржиев стал лидером буддийских священников, которые понимали, что ради сохранения общины и ее влияния на верующих необходимо идти на уступки советской власти [Дорджиева 2014, с. 14; Сеницын 2013а, с. 37]. Н. Цыремпилов объясняет позицию А. Доржиева «реакцией на идеализированное европейское восприятие буддизма и использование этого представления в миссионерском дискурсе» [Цыремпилов 2019, с. 361].

Полученный благодаря хорошим отношениям с властью ресурс А. Доржиев смог использовать для процветания общины. После того как в 1922 г. на «Всенародном собрании Бурят-Монгол» был поднят вопрос о важности тибетской медицины для широких масс населения региона, А. Доржиев способствовал превращению Ацагатского аршана в один из основных ее центров. Он приобрел постройки и оборудование, необходимые для учебного и лечебного центра, на его личные средства были построены амбулатория, лазарет и аптека при аршане. Им было выписано из Тибета и Китая несколько тонн медикаментов и основан склад лекарственного сырья. В течение 1920-х гг. в школе «Мамбо» при аршане ежегодно обучалось от 30 до 40 человек. Врачи Ацагатской школы завоевали себе репутацию хороших медиков. В аршан стали стекаться больные⁷.

Одной из характерных особенностей «религиозного нэпа» в Бурятии и Калмыкии являлась иллюзия духовного родства между буддизмом и господствующей государственной идеологией. Местные работники ОГПУ зафиксировали высказывания буддистов, иллюстрирующие их склонность «отождествлять буддизм с ленинизмом и марксизмом»: якобы «высокопоставленные ученые в Ленинграде изучают буддизм, все они приняли буддийскую религию, потому что разницы между буддизмом и ленинизмом нет. В Ленинграде организован буддологический институт, который будет заниматься распространением буддизма во всех странах». Как отмечают работники органов безопасности, ключевую роль

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 11. Д. 1509. Л. 37–38, 100–101.

в распространении такого рода идей играли проповеди А. Доржиева. В их докладе приводится цитата из речи А. Доржиева, в которой он заявляет: «Большой разницы между буддизмом и ленинизмом нет. Будда, Маркс и Ленин были поистине гениальными людьми. Все они проповедовали идею защиты угнетенных и обездоленных. Маркс и Ленин, изучив происхождение европейских религий, установили, что “бога” нет. Это совершенно правильно. Если бы они изучили буддизм, то они бы согласились с ним, ибо по буддизму нет бога, а есть “бурхан”. Наши коммунисты, комсомольцы и “безбожники” ничего не знают и потому выступают против буддийской религии, они путают “бога” с “бурханом”»⁸.

Информационные документы ОГПУ о конце «золотого века» буддизма в России

Однако характер взаимоотношений между советской властью и буддийской Сангхой радикально изменился в конце 1920-х гг. Религиозные общины Бурятии и Калмыкии стали подвергаться беспрецедентному экономическому и административному нажиму, проводилась антибуддийская пропаганда. Оценивая качество и эффективность этой пропаганды, А. Доржиев утверждал, что она достигает результатов, прямо противоположных ожидаемым [Басхаев 2007, с. 111]. По его оценке, антирелигиозная пропаганда в буддийских регионах «сводится к высмеиванию духовенства, постановке спектаклей на агитационные темы и сочинению оскорбительных для религиозно настроенных религиозных масс песен и частушек, не имеющих к тому же никакой художественно-поэтической ценности». Все эти меры, по мнению А. Доржиева, неэффективны, поскольку «глубоко разработанная в этическом и гносеологическом отношении буддийская религиозная философия... совсем не затрагивается, ибо сама молодежь, руководящая часть которой вышла из ранее обращенной в православие части населения, не знает этой философии, поэтому вся ее критика носит легкомысленно-ребяческий характер». Используемые методы антирелигиозной агитации приводят лишь к дискредитации советской власти «в глазах подавляющего большинства населения, а главное, ставят все буддийское духовенство, особенно его политически реакционную и морально развращенную часть, в положение мученика и гонимого за веру»⁹.

Среди использовавшихся в борьбе с буддизмом методов можно выделить некоторые, оказывавшиеся особенно малоэффектив-

⁸ Там же. Оп. 7. Д. 412. Л. 13–14.

⁹ РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 162. Л. 3–7.

ными именно в борьбе с этим вероисповеданием. В числе наименее действенных оказывался, например, такой способ нанести удар по буддийской вере, как организация диспутов между верующими и неверующими. Как отмечает Д.Д. Амоголонова, одной из основных целей участия в диспутах было «объяснить идейным оппонентам, что обе стороны имеют больше общего, чем разъединяющего». «В соответствии с имперскими традициями» для них было важно «доказать свою несомненную советскую политическую идентичность» [Амоголонова 2017, с. 203]. Диспуты в буддизме являются традиционной формой достижения истины, убеждения оппонентов и средством обучения [Амоголонова 2017, с. 63]. На практике это означало, что использование этого и без того не всегда удобного инструмента воздействия на верующие массы требовало особенно осторожного подхода.

В исследованиях, посвященных религиозным диспутам между безбожниками и буддистами, в качестве основного источника использовались материалы советской периодической печати [Амоголонова 2017, с. 61–62].

Анализ делопроизводственных документов органов государственной безопасности позволяет сделать существенные дополнения. Подробное описание «антирелигиозного» диспута, организованного 21–22 февраля 1929 г. в г. Верхнеудинске, содержится в секретных информационных документах отдела ОГПУ Бурят-Монгольской АССР, хранящихся в фондах Центрального архива ФСБ РФ. В документах дается не только описание точки зрения сотрудников органов безопасности, но и приводятся обильные цитаты зафиксированных их агентами высказываний верующих. По соглашению обеих сторон темой была избрана «Классовая сущность буддизма – ламаизма». Соответственно, отмечалось в докладной записке, посвященной итогам диспута, «целевая установка прошедшего диспута отличалась от установки» предыдущего диспута, имевшего место в 1928 г., тем, что здесь «не ставилась задача выявления разногласия по принципиально-догматическим вопросам, которые в действительности имеются в среде современного ламства, имелись в виду только разоблачения реакционно-классовой сущности ламства вообще, не делая деления на разные группы»¹⁰.

Докладчиком со стороны атеистов выступил секретарь областного совета Союза безбожников Тогмитов. Его главным оппонентом выступал Агван Доржиев, который опирался на поддержку «ученых лам – философов почти от всех крупных дацанов», в основном обновленцев. Присутствовали «лучшие представители обновленчества» – председатель Центрального духовного совета Хамбо

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 7. Д. 412. Л. 32, 53.

Данжа Мункужапов, являвшийся формальным председателем со стороны верующих, и члены ЦДС Дид Хамбо Аюшиев, Хайдо Галсанов и Тогмит Цыдыпов, а также знатоки учения «Шойро» Шойдок Алчинов (Кижинга), Дондор Ранжамба, Чойдок Сарников (Ана), Осор Цыренов, Лодоп Домба Санжаев, Аюши Очиров, Добдон Жамсо Доржиев и Чойбон Бодиев из Эгитушевского дацана. Немногочисленные «консерваторы» выступили в роли обычных зрителей. В докладной записке отмечается, что на диспуте присутствовало около 70 человек лам, а также и верующих мирян из улусов, слушатели Бурятского педагогического техникума и Советской партийной школы¹¹.

Накануне мероприятия буддийские священнослужители провели в дацанах «соответствующую подготовку, созывали собрание, где обсуждали вопрос, как они должны защищать себя от безбожников, в результате приходили к выводу, что «мы должны единым фронтом защищать религию – основы буддизма». Очевидно, что священники придавали предстоящему событию большое значение. Авторы записки зафиксировали мнение лам, согласно которому «данный диспут является все решающим диспутом», на нем «вырешится вся судьба лам и нашей религии». Агвану Доржиеву удалось накануне мероприятия добиться заключения с безбожниками соглашения «о порядке ведения диспута». Оно предусматривало запрет на отклонение от темы диспута и «недопущение обид и оскорблений по отношению ламства»¹². Данные условия явно были связаны с опытом предыдущего аналогичного диспута, который представители буддистов сочли «варварским» и оскорбительным для верующих¹³.

В переполненном зале ВЦСПС выступило по 7 представителей от каждой стороны. Атеисты поставили перед собой задачу «раскрыть и доказать реакционную классовую сущность современного буддизма», который мешает строительству социализма. По мнению авторов документа, представители буддизма уклонялись от раскрытия темы и «плавали в волнах метафизики и софистики». К счастью, в документе приводятся достаточно обильные цитаты из высказываний самих представителей буддистов, позволяющие проследить ход их размышлений и используемые ими доводы. Верующие исходили из тезиса об отличии объекта поклонения буддистов – «борхана» (бурхана) от богов других религий. По их мнению, «только Будда есть, а других богов (Христа, Магомета и прочих)» нет, поэтому «буддийскую религию («Шажин») нельзя ставить на одну

¹¹ Там же. Л. 32.

¹² Там же. Л. 32–33.

¹³ Там же. Л. 36.

доску с другими религиями», так как она истиннонаучная религия. А. Доржиев доказывал свой излюбленный тезис о научности буддизма и его коренном сходстве с учением К. Маркса и В.И. Ленина. Согласно записке, безбожникам удалось опровергнуть «этот шаблонный тезис лам», доказав, что никаких принципиальных отличий буддизма от остальных религий не существует. Существование души буддисты обосновывали доводами вроде «раз вы не видали душу, как же можете говорить о том, что нет ее», и «вы сейчас не знаете, какая мысль придет завтра, раз не знаете это, то как же можете утверждать об отсутствии души».

Стараясь вернуть разговор к теме классовой сущности религии, безбожники задали вопрос об отношении буддистов к богатым и бедным. Те заявили об одинаковом отношении ко всем людям. Тогда атеисты спросили: «Кого больше жалеете: бьющего, или того, которого бьют». С точки зрения буддизма оказалось, что «жалко бьющего, ибо он совершает такой поступок по своей несознательности и в силу того, что он не освободился от страсти и гнева». В конце своего выступления лидер буддистов призвал воинствующих безбожников к умеренности. Заключительные слова А. Доржиева авторы записки излагают следующим образом: «Мы, ламы, не такие плохие люди, мы тоже по согласному учению борхана Будды заинтересованы в установлении равенства и братства на земле, наши конечные цели такие же, как и у вас, поэтому вы нас слишком не обижайте и не нажимайте». Кроме того, он напомнил, что буддизм исповедуют народы Востока – Монголии, Китая и Японии, поэтому «чрезмерный нажим на ламство» может отрицательно отразиться на внешней политике Советского Союза¹⁴, т. е. представителями буддизма на диспуте были озвучены основные доводы обновленческого крыла, которые были не слишком убедительны ни для безбожников, ни для буддистов-консерваторов.

Разумеется, данное мероприятие не могло заставить отказаться от своих убеждений тех, кто был тверд в своей вере или убежден в истинности учения марксизма-ленинизма. Главная его цель заключалась в воздействии на умы колеблющихся. Судя по некоторым данным, зафиксированным в документах ОГПУ, рядовые верующие воспринимали итоги диспута иначе, чем авторы процитированной докладной записки. Сами ее авторы отмечают, что недостатком диспута являлось то, что представители власти «дали возможность ламам выступить на диспуте более организованно, чем в прошлом году, нужно было использовать раздор и борьбу разных течений буддизма, давая возможность выступить на диспуте представителям разных течений ламства (консерваторов,

¹⁴ Там же. Л. 33–35.

нирванистов и т. д.)». Как с сожалением отмечают авторы другой докладной записки, посвященной итогам проведения диспута, «организованное выступление (только по внешней форме) ламства (главным образом только обновленцев) давало им, ламам, повод говорить о победе над безбожниками». Недостаточно хорошо проведенная предварительная организационная работа привела к тому, что «ламы представляли организованную силу, которая единым фронтом выступила против безбожников». Как отмечают авторы записки, это «давало ламам повод говорить, что они более организовано защищали основы буддизма и они представляли единую силу, которая, если не победила безбожников, то во всяком случае не побеждена». Зафиксированы высказывания лидеров обновленцев, что «на диспуте ламы победили, безбожники были неспособны доказать, что нет борхана и души, а старались под основу буддизма-ламаизма дать классовую сущность и тем самым скомпрометировать лам – это единственный козырь». Выражалось также удовлетворение, что «на диспуте не были допущены оскорбления по адресу ламства и что безбожники соблюдали принцип соглашения». Причем главная заслуга в том, что «бурятские безбожники», которые на прошлогоднем диспуте «обижали» лам, на нынешнем диспуте были «сдержаннее и скромнее», приписывалась А. Доржиеву, который якобы добился таких условий проведения диспута в ходе своего визита в Москву. Данный диспут представители буддизма оценивали как источник опыта, необходимого «для защиты основы буддизма». Кроме того, согласно зафиксированным в записке высказываниям, буддисты «поняли, что общество безбожников является частной организацией, независимой от органов власти». Авторы информационного документа ОГПУ с сожалением отмечают, что «обновленцы продолжают реализовывать результаты диспута в выгодном для них направлении и обрабатывать «общественное мнение» в таком духе, что они, ламы-обновленцы, победили безбожников на диспуте, безбожники оказались не в состоянии научным путем опровергнуть существование души, бога и т. д.». В дацанах начали распространяться «листовки на Монгольском и Тибетском языках, основное содержание которых сводится к “разоблачению” безбожников и в проповедовании “истинного” буддизма и т. д.»¹⁵.

Согласно докладу ОГПУ, «был несколько доволен» диспут и сам Агван Доржиев: «то обстоятельство, что он участвовал на диспуте и активно защищал религию, по его мнению, должно усилить его авторитет среди верующего населения». Работники органов безопасности зафиксировали высказывания обновленцев о том, что «наш вождь Доржиев действительно является истин-

¹⁵ Там же. Л. 36–37, 46, 48, 53–54.

ным защитником Буддизма. Он на диспуте сумел дать должный отпор “безбожникам”, которые не смогли доказать небытие бога». «Безбожники в прошлом году на диспуте, собрав молодых и старых лам, издевались, а в нынешнем году это им не удалось, ибо за диспут взялся сам Агван Доржиев, который имеет связь с Тибетом, Америкой, Германией и т. д. Так что издеваться он безбожникам не позволил и побежденным он тоже не остался». Активно участвовавший в диспуте Хамбо Мункожапов, «вернувшись в свой дацан, рассказывал, что «провели диспут хорошо, ламы говорили, что душа и бурхан есть, а безбожники оспаривали. Я лично высказался на диспуте, что якобы вы говорите, что нет бурхана и души, основываясь на учении Маркса, а мы говорим, что они есть, основываясь на учении буддизма, вот давайте взаимно изучать эти учения и в дальнейшем на диспут приглашать профессоров-ученых из других стран». Обновленец Гусино-Озерского дацана Широ́б Жалсан Гунтоупов говорил, что «диспут прошел очень хорошо, наши ламы там на диспуте заявили, что всегда и когда угодно мы можем устраивать с вами диспут»¹⁶.

Об итогах диспута авторы вынуждены были признать, что «фанатичная верующая масса склонна думать, что на диспуте ... ламы победили безбожников и что последние оказались не в состоянии доказать ламам, что нет души и бурхана». В этом работники органов безопасности увидели признак того, что «ламство среди широкой массы пользуется громадным авторитетом и популярностью». Причем для закрепления эффекта после диспута священнослужители «горячо взялись за работу по “популяризации” результата диспута», делая акцент на том, что они одержали победу над безбожниками: «в целях проведения этой пропагандистской работы ламы под разными предлогами “гастролировали” по улусам, убеждая верующие массы» во вреде деятельности безбожников и правильности учения борхона Будды¹⁷.

Работники ОГПУ отмечают большой интерес, проявленный в бурятском обществе к диспуту, и его политическое значение. Они утверждают: «сведения о диспуте доходят до ламства Монголии и Тибета». Поэтому в будущем при устройстве подобных мероприятий видят необходимость «универсальной и всесторонней подготовки и выработки соответствующей тактики», что должно позволить представителям советской власти на следующих диспутах «достигнуть благоприятного для нас эффекта». Неудача диспута 1929 г. объяснялась низкой квалификацией актива Союза безбожников как по философским, так и по естественно-научным дисциплинам.

¹⁶ Там же. Л. 36–37, 46, 48, 54.

¹⁷ Там же. Л. 56–57.

Это привело к тому, что «чувствовалась на диспуте некоторая слабость» со стороны атеистов «в объяснении вопроса о догматических положениях буддизма, о душе, бурхане и т. д.»¹⁸.

Заключение

Таким образом, рассекреченная документация органов ОГПУ позволяет выявить важные факты биографии А. Доржиева и других ведущих деятелей религиозных общин. Анализ информационных документов ОГПУ позволяет приблизиться к разрешению многих дискуссионных проблем современной историографии, касающихся характера взаимоотношений между большевиками и религиозными организациями. В документах органов безопасности тщательно фиксировались и различные высказывания представителей религиозных общин, в фондах ОГПУ хранятся отдельные документы, составленные ими. Соответственно, ценность данного источника заключается также в том, что мы имеем возможность воссоздать точку зрения верующих, которую трудно изучить по другим материалам: материалы делопроизводства религиозных организаций сохранились достаточно плохо, а зачастую они не имели даже возможности вести систематическую работу по сбору и обработке информации, необходимой для эффективного управления делами общины.

Литература

- Амоголонова 2017 – Амоголонова Д.Д. Буддизм и политическая идентичность бурят в начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 197–207.
- Басхаев 2007 – Басхаев А.Н. Буддийская церковь Калмыкии: 1900–1943 гг. Элиста: ЗАОр «НПП “Джангар”», 2007. 239 с.
- Бакаева 2013 – Бакаева Э.П. Репрессии против духовенства: о закрытии высшей конфессиональной школы Чойра в Калмыкии // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 7–14.
- Дамдинов 1997 – Дамдинов А.В. Агван Доржиев в обновленческом движении бурятского буддийского духовенства // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 87–91.
- Дорджиева 2014 – Дорджиева Г.Ш. Репрессированное духовенство Калмыкии. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2014. 197 с.

¹⁸ Там же. Л. 36–37, 46, 48, 54, 61–62.

- Каиль 2012 – *Каиль М.В.* Дела по обвинению провинциального епископата, духовенства и верующих 1918–1920-х гг. // Отечественные архивы. 2012. № 4. С. 59–66.
- Кривова 1999 – *Кривова Н.А.* Власть и церковь в 1922–1925 гг. М., 1999. 247 с.
- Леонтьева 2007 – *Леонтьева Т.Г.* Калининское духовенство в репрессиях 1937–1938 гг. // Государство, общество, церковь в истории России XX века: Материалы VI Международной научной конференции, Иваново, 7–8 февраля 2007 г. Иваново, 2007. С. 77–84.
- Леонтьева 2009 – *Леонтьева Т.Г.* Попы, церковники и сектанты в «большевистской перестройке» в Калининской области 1937–1938 гг. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: Массовая операция на основе приказа № 00447 / Сост. М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 216–243.
- Никонов 2022 – *Никонов В.В.* Антирелигиозные мероприятия, проводившиеся в Московской губернии в первые годы советской власти // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 1. С. 62–71.
- Нуйкина 2016 – *Нуйкина Е.Ю.* Архивно-следственные дела по обвинению духовенства – информационный источник по истории Русской Православной Церкви // Вестник архивиста. 2016. № 4. С. 58–73.
- Севостьянов 2001 – *Севостьянов Г.Н.* Предисловие // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 16–18.
- Сенюткина 2020 – *Сенюткина О.Н.* Восточный Отдел ГПУ–ОГПУ и опыт его изучения в трудах В.С. Христофорова // Новый исторический вестник. 2020. № 4 (66). С. 151–162.
- Сенюткина, Христофоров 2021 – *Сенюткина О.Н., Христофоров В.С.* Рассекреченные документы ГПУ – ОГПУ 1920-х гг. как исторический источник // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 405–417.
- Синицын 2013а – *Синицын Ф.Л.* «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд. А.А. Терентьева, 2013. 528 с.
- Синицын 2013б – *Синицын Ф.Л.* Советское государство и буддисты (1917–1946) // Российская история. 2013. № 11. С. 62–76.
- Теренс Мартин 2001 – *Теренс М.* Обзоры ОГПУ и советские историки // «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 1. Ч. 1. М.: ИРИ РАН, 2001. С. 21–26.
- Успенский 2021 – Успенский В.Л. О несостоявшейся миссии в Тибет Агвана Доржиева в 1928 г. // Mongolica. 2021. Т. 24. № 2. С. 52–57.
- Цыремпилов 2012 – *Цыремпилов Н.В.* Буддийский авангард: метаморфозы буддийской Сангхи в России (XVIII – начало XX в.) // Новый исторический вестник. 2012. № 3 (33). С. 26–36.
- Цыремпилов 2019 – *Цыремпилов Н.* Сангха в эпоху упадка: Реакции российских буддистов на Русскую революцию и Гражданскую войну // Государство. Религия. Церковь. 2019. № 1/2 (37). С. 347–370.
- Шкаровский 2010 – *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. 478 с.

References

- Amogolonova, D.D. (2017), "Buddhism and the Buryats' political identification at the beginning of the 20th century", *Tomsk State University Journal*, no. 421, pp. 197–207.
- Baskhaev, A.N. (2007), *Buddiiskaya tserkov' Kalmykii: 1900–1943 gg.* [Buddhist church of Kalmykia. 1900–1943], Dzhangar, Elista, Russia.
- Bakaeva, E.P. (2013), "Repressions against the priesthood. About the closure of a higher confessional school Choira in Kalmykia", *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, vol. 12, no. 4, pp. 7–14.
- Damdinov, A.V. (1997), "Agvan Dorjiev in the Renovationist movement of the Buryat Buddhist priesthood", in *Buryatskii buddizm: istoriya i ideologiya* [Buryat Buddhism. History and ideology], Izdatel'stvo Buryatskogo nauchnogo tsentra, Ulan Ude, Russia, pp. 87–91.
- Dordjiev, G.Sh. (2014), *Repressirovannoe dukhovenstvo Kalmykii* [Repressed priesthood of Kalmykia], Izdatel'stvo Kalmytskogo universiteta, Elista, Russia.
- Kail, M.V. (2012), "Investigatory records on the provincial episcopate, priesthood and believers in 1918–1920", *Otechestvennye arkhivy*, no. 4, pp. 59–66.
- Krivova, N.A. (1999), *Vlast i tserkov' v 1922–1925 gg.* [Power and the church in 1922–1925], Moscow, Russia.
- Leontieva, T.G. (2007), "Kalinin's priesthood in the repressions of 1937–1938", in *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov v istorii Rossii XX veka: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Ivanovo 7–8 fevralya 2007 g.* [State, society and the church in the Russian history of the 20th century. Proceedings of the 6th International conference, Ivanovo, February 7–8 2007], Ivanovo, Russia, pp. 77–84.
- Leontieva, T.G. (2009), "Priests, churchmen and sects in the bolshevik's perestroika (restructuring) in the Kalinin region in 1937–1938", in Yunge, M., Bonvech, B. and Binner, R. (comp.), *Stalinizm v sovetskoj provintsii, 1937–1938 gg.: Massovaya operatsiya na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet province, 1937–1938. Massive operation in accordance to order no. 00447], Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, ROSSPEN; Germanskii istoricheskii institut v Moskve, Moscow, Russia, pp. 216–243.
- Nikonov, V.V. (2022), "Antireligious activities in the Moscow region in the early Soviet period", *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 62–71.
- Nuikina, E.Yu. (2016), "Investigatory records of priesthood as a historical source about the Russian Orthodox Church", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 58–73.
- Sevostyanov, G.N. (2001), "Preface", in *«Sovershenno sekretno», Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane, 1922–1934 gg.* [Top secret. Lubyanka to Stalin about the situation in the country. 1922–1934], vol. 1, part 1, Izdatelskii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 16–18.
- Senyutkina, O.N. (2020), "GPU–OGPU Eastern Department and the experience of studying it in the works by V.S. Khristoforov", in *The New Historical Bulletin*, vol. 66, no. 4, pp. 151–163.

- Senyutkina, O.N. and Khristoforov, V.S. (2021), "Declassified GPU–OGPU documents of the 1920s as a historical source", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 405–417.
- Sinitsyn, F.L. (2013), "*Krasnaya burya*": *Sovetskoe gosudarstvo i buddizm v 1917–1946 gg.* [Red tempest. The Soviet state and Buddhism in 1917–1946], Izdanie A.A. Terent'eva, Saint Petersburg, Russia.
- Sinitsyn, F.L. (2013), "Soviet state and Buddhists (1917–1946)", *Rossiiskaya istoriya*, no. 1, pp. 62–76.
- Terens, M. (2001), "The OGPU surveys and the Soviet historians", in «*Sovershenno sekretno*», *Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane, 1922–1934 gg.* [Top secret. Lubyanka to Stalin about the situation in the country. 1922–1934], vol. 1, part 1, Izdatelskii tsentr Instituta rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia, pp. 21–26.
- Uspenskii, V.L. (2021), "On the failed mission to Tibet by Agvan Dorjiev in Tibet in 1928", *Mongolica*, vol. 24, no. 2, pp. 52–57.
- Tsyrempilov, N.V. (2012), "Buddhist Vanguard. Transformations of the Buryat Buddhist Sangha in Russia (18th – the beginning of the 20th c.)", *The New Historical Bulletin*, vol. 33, no. 3, pp. 26–36.
- Tsyrempilov, N. (2019), "Sangha in the period of decline. Reactions of Russian Buddhists towards the Russian Revolution and the Civil War", in *Gosudarstvo. Religiya. Tserkov* [State. Religion. Church], vol. 37, no. 1/2, pp. 347–370.
- Shkarovskii, M.V. (2010), *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v XX veke* [Russian Orthodox Church in the 20th century], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Александр В. Сипейкин, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет, Тверь, Россия; 170100, Тверская область, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33. sipeykin@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3235-0297

Information about the author

Alexander V. Sipeykin, Cand. of Sci. (History), Tver State University, Tver, Russia, 170100; bld. 33, Zhelyabov St., Tver, Russia, 170100; sipeykin@yadex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3235-0297